

Е. Сулес. Сто грамм мечты
Книжный Клуб Книговек, 2012

По всем правилам здесь должна быть сильная вводная фраза, которая громом небесным поразит читателя и заставит его скорее купить и прочитать книгу. Что-то вроде «Вы не читали ничего подобного прежде...» или «Сводящая с ума проза автора пленяет...». Но такой фразы здесь нет. Вместо проверенных рекламных штампов здесь вот что:

Дорогой читатель! Редактор, журналист, рецензент, критик! Не ленись, найди в книге рассказ «Рыжие» или рассказ «Иван-да-Марья», или «Сто грамм мечты». Прочитай – они очень короткие. И если ты найдешь их скверными – увы – не читай дальше. Но если ты почувствуешь что-то, не сомневайся, продолжай читать – тебе понравится. И третьего не дано: равнодушным рассказы не оставят!

Автор Евгений Сулес родился в Москве в 1977 году. По профессии режиссер, сценарист, кинокритик, ведущий программы «Шедевры старого кино». Публиковался в журнале «Юность», член Союза писателей Москвы. Из перечисленных обстоятельств профессия оказала наиболее сильное влияние на творчество. Эти рассказы чем-то напоминают короткометражки или даже ключевые сцены картин, благодаря которым фильм становится Фильмом. Данный сборник – дебютная книга автора.

Приятного чтения.

[РЫЖИЕ](#)

[ИВАН-ДА-МАРЬЯ](#)

[СТО ГРАММ МЕЧТЫ](#)

Евгений
Сулес

СТО ГРАММ МЕЧТЫ

Евгений Сулес

СТО
ГРАММ
МЕЧТЫ

КНИГОВЕЖ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

РЫЖИЕ

Был у нас в классе рыжий. Волосы жгуче-рыжие. Я такого рыжего цвета волос больше никогда в жизни ни у кого не встречал. Мы его, понятное дело, так и звали – Рыжий.

В третьем классе Рыжий описался прямо на уроке. Писал контрольную, переволновался – и обоссался. Как сейчас помню, звонок, Рыжий что-то судорожно пытается дописать, плачет, другая рука между ног, а внизу струится желтоватый ручеек.

Вообще дурак он какой-то был. Прикалывались мы над ним постоянно. Пендаль Рыжему был у нас святым делом. Он нам рассказывал, что отец у него неродной и выпить любит. И показывал, чего он пьяный выделяет. Мы смеялись, и он вместе с нами.

Как-то отчим в тетрадке по внеклассному чтению нарисовал ему портрет Ленина, и учительница в праведном гневе своём заставила Рыжего перед всем классом стирать следы такого кощунства. Рыжий стирал и плакал навзрыд, с всхлипами. В другой раз, сейчас уже даже не помню за что, всё та же учительница сорвала с него галстук и сказала, что отныне он не пионер. Рыжий опять рыдал, а нам было весело. В классе пятом он повадился воровать в библиотеке книги, а мы у него их совсем по дешёвке скупали. Он был доволен.

А однажды мы устроили Бой Силачей. Первым силачом был Рыжий, а вторым – Толя Бабушкин, самый маленький мальчик в классе, лопухий, русский, со светящимся лицом и ставропольским говорком. Они, конечно, драться не хотели, и ссоры никакой не было. Но мы всё устроили.

Один подходил к Рыжему:

– Рыжий, слушай, Бабушка тут про тебя такое...

Потом смеривал взглядом Рыжего и убедительно, со знанием дела, добавлял:

– Нет, ну ты его без проблем уложишь, он же мелкий. Пора тебе, Рыжий, мужиком становиться, чтоб уважать тебя начали. А то...

Такой же доброжелатель в то же самое время подходил к Бабушке. В общем, Шекспир, «Двенадцатая ночь»...

По школе разносится радостное: после уроков Рыжий с Бабушкой будут мочиться! Еле досиживаем до конца уроков и довольные, в предвкушении представления, выбегаем из застенок на свет Божий. Спускаемся в яблоневый сад на заднем дворе, по дороге делая ставки. Май, солнце, яблони в цвету и Бой силачей – благодать!

Наши силачи, конечно, к этому времени удаль свою уже подрастеряли и рады были бы смыться куда подальше. Но их выводят под конвоем. По три человека каждого.

Начинается спектакль вяло. Стоят друг перед другом, храбрятся.

– Ты чего?

– А ты чего?

– Я тебя щас!..

– Это я тебя!..

– Мужики, кончай волынить, будьте мужиками! – раздаются недовольные голоса публики.

– Давай, Рыжий, в глаз влепи ему, и всё!

– Бабушка, это ж Рыжий, мочи его, пока он не обоссался!

Инициативу берёт Меля – человек уважаемый во всех отношениях:

– Значит так, по яйцам не бить. До первой крови. Пока первую кровь не увидим, не уйдём.

Становится тихо.

Рыжий и Бабушка хлопают глазами, не знают то ли бить, то ли бежать. Их толкают друг на друга.

Вдруг толпа расступается, и появляется новый персонаж. Его знают все, и в то же время никто. Никто не знает, как его зовут, где он живёт, в какой школе учится и учится ли вообще. Маленький, кучерявый, года на два нас старше, с сигаретой в зубах. Он уже пил к тому времени и, главное, дружил с очень нехорошими, совсем взрослыми пацанами, вселявшими во всех нас настоящий неконтролируемый ужас.

Он молча огляделся.

– Ну чего, давайте, – голос негромкий, с хрипотцой.

Пауза.

– Чего в штаны наложили? Давай, Рыжий, вот сюда, чуть ниже носа ему втащи. Чего, ссышь что ли? Да не ссы, он тебе не ответит. Ты, Лопоухий, понял меня? Руки по швам. Вот так. Молодец, умная девочка. Давай, Рыжий, теперь бей.

Рыжий растерянно хлопал глазами и не шевелился. Бабушка стоял бледный.

– Давай, давай, а то я тебе сам сейчас втащу. Понял?

Рыжий не двигался.

– Ну как знаешь, Рыжий, – пожал плечами парень. – На, поддержи, – протянул он мне сигарету, оглянулся по сторонам и со словами: «Вот так, Рыжий, надо», ударил ему чуть ниже носа.

Рыжий упал, схватился за лицо и не закричал, а именно заорал.

Парень забрал у меня сигарету и не спеша ушёл.

Прошло много лет. Уже не всех учителей я помню по имени. Стёрлись лица большинства одноклассников и одноклассниц. Вылетели из головы почти все заученные наизусть и на пять стихов, формулы, правила, пересказанные близко к тексту параграфы и главы... А тебя, Рыжий, помню. И тот майский солнечный день – в мельчайших подробностях. Помню, откуда взят камень и по большой впадине на морском берегу, узнаю, куда положить его.

Это не ты тогда зассал. Это мы зассали. Хотя могли все вместе уложить того парня, который, если сейчас жив, то это настоящее чудо. Это я зассал. А ты не ударил Бабушку. И Христос в тот день был Рыжим. Это один из главных уроков, что я получил за десять лет учёбы. Если сейчас повернуть время вспять, перевести стрелки часов назад на двадцать лет, на то весеннее время длинных дней и коротких ночей, то я, наверное, опять бы зассал. С одной лишь разницей – меня бы там просто не было. Не всегда хватает сил противостоять злу, но хотя бы не участвовать в нём – в силах каждого. В моих силах.

Я закрываю глаза. Немеровский выходит из класса. Из залитого майским солнцем кабинета истории на пятом этаже. Окно распахнуто. Внизу каштаны, яблони и клёны. Каштаны, яблони и клёны нашего детства. Я подхожу к доске, беру в руки мел, на моих пальцах остаётся бледный, пепельный след вины, и, подобно герою фильма «Чучело», пишу белым на чёрном:

«Рыжий, прости!»

Прости. И прощай...

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Жили-были в одной деревне Марья-Дурнушка да Иван-Красавец.

Не знаю уж чем, да только приглянулась Марья-Дурнушка Ивану-Красавцу, и стал он с ней жить-поживать. Живут ладно. Ивану нравится, и Марья не надивуется, за что ей такое счастье привалило.

Да только через некоторое время задумалась Марья: я девка совсем никудышная, самая некрасивая на деревне, да и ума особенного Бог не дал, стало быть, недолго моему счастью жить – рано или поздно начнёт Иван-Красавец гулять, а потом и совсем уйдёт к какой другой девке!

И задумала Марья-Дурнушка покалечить Ивана-Красавца. И так состроила, что зашёл Иван-Красавец в сарай, о черпачок споткнулся, растянулся, уткнувшись лицом в пахучее сено, а сверху на него наконечник новый для косы упал и обе ноги оттяпал.

Вся деревня затужила, одна Марья тайком радуется, думает – ну, чаво, голубчик, без ног-то по бабам теперь много находишь?

Но недолго счастье её длилось. Через некоторое время она опять закручинилась пуще прежнего: без ног-то, без ног, а всё равно – Красавец! В общем, так она состроила, что упал Иван со своих костылей да на всё лицо шрам себе посадил.

Но просчиталась Марья-Дурнушка. Получилось вроде как ещё лучше прежнего. Лицо у Ивана мужественней стало и некая смазливость, до того присутствовавшая, исчезла напрочь. В общем, как говорится: шрам украшает мужчину, но не укрощает его! Так и видит Марья-Дурнушка, как девки на Ивана заглядываются да отнять хотят. А он ещё, антихрист, на гармонике играть выучился. Как сядет перед избой, костыли свои разложит да заиграет (а петь и до этого умел хорошо), так вся деревня собирается.

Ну и Марья, воспользовавшись тем, что Иван-Красавец как-то стёр себе, на гармонике играючи, руки в кровь, в тёмную ноченьку, когда ветер хуляет в степи да худит в проводах, ему в ранки грязи и подсыпала. И началась у Ивана гангрена, и местный колдун ему обе руки ампутировал да на ушко чего-то пошептал.

А Марья радуется: ну, что, красавец, без рук без ног, попробуй-ка теперь на бабу скок!

Иван же Красавец с горя такие стихи сердешные стал писать, хоть душа вон! Как из окошка загорлопанит:

*Эх, гармонь моя!..
А кони, кони!
Вечером синим, вечером лунным,
Был я когда-то красивым и юным!
Но не жалею, не зову, не плачу!
Я за всё когда-то заплачу!*

– вся деревня в слёзы!

Опять, значит, Марья-Дурнушка боится Ивана потерять: стихи, вид жалостливый (а русская баба кого жалеет, того и любит!) да речи зажигательные, а Марья лучше всех знает, как умеет Иван бабе сказать, да языком приятно сделать. Не выдержала Марья, и в одну из ночей отрезала Ивану язык. А люди подумали, что Иван с горя замолчал, мол, говорить ни с кем не хочет.

Так и сидел Иван целыми днями у окошка и молчал. А глаза большие-большие, печальные-печальные, и лицо столько всего выражает, что за одно это полюбить

можно. А Марья знает, как Иван посмотреть может на бабу, всё равно что раздеть. Поняла Марья, что пока с глазами Иван, девки и такого возьмут, не погнушаются. И подговорила кошку свою верную, и та ночью Ивану глаза выцарапала вместе с остатками бывлой красоты.

Осталась у Ивана одна лишь мужская сила. Жаль было Марье расставаться с нею, да ничего не поделаешь, потому что сила у Ивана была могучая, и размерами вышла и стойкостью. А Марья понимала, что редкость это в наше время великая, и девки за одно это Ивана себе заберут. И отрезала её безропотному Ивану.

И Марья-Дурнушка успокоилась. Думает, теперь уж никому Иван-Красавец не нужен!

А через некоторое время посмотрела на себя в зеркало, глядь: а я ничего стала! И действительно, как Марья-Дурнушка Ивана-Красавца чаво лишала, так сразу чуть-чуть хорошела. И, в конце концов, превратилась в красавицу неписаную и вышла замуж за Петра-Красавца.

А Иван затосковал по ней и к зиме умер.

В ночь после похорон снится Марье сон. В полночь приходит на кладбище к Ивановой могиле молодая монахиня из Макарьева монастыря, что на горе, выкапывает Ивана из земли, поцелуями да слезами оmyвает, телом бесстыжем о него трётся... Проснулась Марья вся мокрая. Тихо. Пётр слева, как камень застыл. Раньше такому сну она подивилась бы и всё, да только прошлой осенью купец Яков Смородинный привозил и всей деревне читал заморский журнал, где про таких людей, которые покойников любят, рассказывалось подробно.

Вышла Марья во двор. Ночь лунная была. И пошла в одной белой, развевающейся ночной рубашке на кладбище. Дошла до Ивановой могилы, выкопала его и сожгла. А пепел по оврагу, под горой, разметала.

Весной же весь овраг покрылся жёлто-сиреневыми цветами. И на Николу Майского пришёл из леса колдун и назвал эти цветы Иван-да-Марья. Собрал букет и сплёл из него венок. Принёс его Марье и надел на неё. И потекли по её лицу тёмно-вишнёвые капли. И сказал колдун, что если нарвать в ясную лунную ночь этих цветов в овраге и сделать из них вино, то сердце того, кто выпьет это вино, исполнится такой любовью, какую ни железом, ни злом не выжечь во веки веков.

СТО ГРАММ МЕЧТЫ

От боевых ста грамм, от бессонных ночей, как в розовом сне, будто не мы бежим в атаку, а актёры в кино, так и не добегут до атаки.

Грузная немолодая женщина шла с девочкой лет восьми по изнывающему от жары городу. Стоял полдень. Тот самый час полуденного беса, когда особенно призрачным кажется всё вокруг. У подъезда, в тени деревьев, мужики уже распивали беленькую, передавая по кругу, запивая квасом, из горла.

Девочка надувала губы и демонстративно вздыхала. Она злилась на маму. За то, что мама медленно шла. И была толстой. А сама девочка была в маму. И за это она тоже на неё злилась. Но главное она злилась на маму за то, что папа больше не жил с ними.

Мама предложила зайти в магазин и купить что-нибудь к чаю. Они встали у прилавка с конфетами, и девочка стала выбирать. Но она не выбирала, она думала о том, меняет ли она сейчас папу на конфеты или нет. А ещё она загадала, что если дома не притронется ни к одной конфете, то папа вернётся. Нет, если она никогда в жизни больше не съест ни одной конфеты, то тогда папа точно, обязательно, наверняка вернётся и больше никуда, никогда не уйдёт. Будет целовать её на ночь, читать ей сказки, играть в буробу...

Девочка ткнула рукой в первые попавшиеся конфеты розового цвета. Мама протянула деньги продавщице с раскосыми глазами. Продавщица отложила книжку в мягкой помятой обложке. Конь, уносящий герцогиню от преследователей в самую чашу Булонского леса застыл, пули разбойников зависли в воздухе...

И мама сказала:

– Дайте нам, пожалуйста, сто грамм «Мечты».